

Artykuły, rozprawy

Статьи, публикации

Аудра Кристина И. Забулионите

Санкт-Петербургский государственный университет

Культура как целостность: концептуализация новой онтологической парадигмы

Kultura jako całość: konceptualizacja nowego paradygmatu ontologicznego

I

Проблема целостности культуры в контексте современных глобалистических процессов обретает не только теоретическое, но и огромное идейно-практическое значение. Развиваемые в западных странах преимущественно социологические модели глобальной культуры¹, упустившие из виду исторические корни формирования разных культур, культурологическому взгляду представляются весьма уязвимыми. Тем не менее, эти модели сегодня представляют собой реальный академический фундамент, предлагающий практической политике логику превращения мира в «единое место» (a single place), в котором возникнет и специфическое «глобально-человеческое состояние» (global-human condition)², а сам процесс глобализации охватит четыре измерения: индивидов, общества-нации, международную систему обществ и человечество в целом³.

Исследования проблем целостности культуры актуальны и с точки зрения собственно теоретических интересов самого культуристорического

¹ См. об этом: Иванов Д.В. Императив виртуальзации. СПб., 2002.

² Robertson R. Globalization: social theory and global culture. London. 1992. Pp. 27, 182.

³ Robertson R. Там же. Pp. 27, 175.

знания, которое в XX столетии, несомненно, вышло на новую ступень аналитической мысли. Благодаря прежде всего французским «анналам» мощно расширилась источниковедческая база культуристорического знания. Обнаруженные несовпадения ритмов развития в истории экономики, науки и искусств вовсе не означают, что исчезает всякая целостность культуры, которая распадается на отдельные миры непохожих людей с их весьма разными образами жизни и сферами действия. Интерес к исследованию мира повседневности, менталитета, поиску новых структур порядка, формирующихся на уровне этой повседневности, иногда именуемый как «антиметафизический поворот», выдвигает новые аспекты культурологического и исторического синтеза, – этой классической проблемы культурфилософского знания. Новый уровень аналитических подходов к культуре и ее истории, применение методов микроанализа вовсе не означает ухода от «абстрактных» способов реконструкции идеальных смыслов культуры, но требует перехода на новую ступень соотношения теоретических и эмпирических понятий.

На актуальность теоретических проблем такого исторического синтеза обращают внимание ведущих ученые разных стран. Известный современный представитель французской школы «анналов» Ж. ле Гофф особо подчеркнул, что историческая наука, развивающаяся в русле «Анналов» «и сегодня в состоянии легко парировать легковесные обвинения в так называемом «раздроблении» и «распылении» истории. Переживая переломный этап в своем развитии, она ищет ныне новых междисциплинарных контактов с социальными науками и стремится заложить основы компаративистской глобальной истории»⁴. Известный российский ученый А.Я. Гуревич указал не только на особое методологическое значение такого исторического синтеза, но и чрезвычайную его сложность, на проблематичность разрешения этой проблемы целостности. Поиски такого синтеза по большей части оказывается «синтезом переплетчика»⁵. Однако, Гуревич подчеркивает что «сама постановка подобной задачи и напряженные поиски ее решения заслуживают всяческого внимания»⁶.

Остается отметить еще один аспект темы целостности, которая в разных науках социогуманитарного профиля известна также под именем типологизации, как методологического выражения этой целостности. Тенденции широкого использования понятия типа в научной практике и связанного с ним весьма значительного круга его терминологических фиксаций не соответствует исследовательское внимание со стороны методоло-

---

⁴ ле Гофф Ж. С небес на землю // Одиссей. Человек в истории. Ежегодник. М., 1991. С. 25.

⁵ Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «анналов». М., 1993. С. 272.

⁶ Гуревич А. Я. Там же. С. 273.

гов, теоретиков знания и философов. Первые фундаментальные работы посвященные типологическому методу появились в конце XIX века. Это работы позитивистов – Милля и Whewell. В XX веке эту линию продолжают логические позитивисты – К. Гемпель и П.Оппенгейм (30–50-е годы), А. Корт, а в 70-е годы – российский ученый В.А. Штофф. Несмотря на то, что эти работы касались разных аспектов проблем типологизации и анализировали типологии разных авторов, можно отметить одну общую их особенность: типологическое понятие анализировалось исключительно в логико-методологическом плане.

В настоящей статье нам хотелось обратить внимание на те аспекты проблемы типа как целостности, которые, как нам известно, в литературе еще не были затронуты. На примере типологизации в биологической науке, в которой этот метод исторически получил первые серьезные научные разработки, мы обращаем внимание на проблему целостности и то, как она обнаруживается в разных способах типологизации в связи с разными формами знания в историческом процессе развития науки. Обращение к опыту биологической науки в связи с социогуманитарным знанием вполне естественный ход, имея ввиду, что толкование сущности культуры по аналогии с организмом имеет древнюю традицию⁷, а сама философия культуры изначально строилась как специфический аналог философии природы.

История типологического метода берет начало примерно с сер. XVIII века, когда в биологической науке интенсивно развиваются сравнительные анатомические исследования организмов, создаются «естественные систематики» животных и растений. На опыт биологической науки, на рубеже XIX–XX вв. и на протяжении всего XX столетия не раз будут ссылаться разные исследователи гуманитарного знания – К. Леви-Строс, Ю.М. Лотман, К.Г. Юнг, М. Вебер, О. Шпенглер, Й. Хейзинга, М. Блок и многое другие. Особенно работы Гете, его типологический метод

---

⁷ Применение идеи организма и циклическая трактовка мира, истории, циклов культуры распространялись широко за пределами европейской мыслительной традиции – в Вавилоне, древней Индии, древнем Китае, не говоря уже о древней Греции и Риме. В Европейском Средневековье такие представления мы находим в трудах Иоанна Скота Эриугены, Иоахима фон Фиоре, Фомы Аквината и др. На заре Нового времени – Ж. Боден и Т. Кампанелла. В пространстве арабской мысли Ибн-Халдун. Эта своеобразная предыстория типологического метода куда богаче именами, чем мы можем здесь останавливаться. Дж. Вико, который в своем знаменитом сочинении «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) столь удачно употреблял типологический подход к исследованию культур, в этом ряду, несомненно, представляет новую ступень в развитии типологии. Он пытался выявить и познать идеальную форму истории – своеобразны идеальный тип, который лежит в основе всех конкретных историй разных народов. Однако это было скорее типологический подход, чем полноценный метод.

в остеологии животных и метаморфозе растений будут широко известны и принесут ему имя создателя типологического метода в науке.

II

Не умаляя заслуг и оригинальности гетеанского типологического подхода, все же следует сказать, что на самом деле, исторические истоки разработки и применения типологических методов в науке его времени куда богаче и интереснее, и осознание всего спектра теоретических поисков типологизации с точки зрения нашей проблемы представляет не только исторический интерес. Проблема целостности и типологизация, как ее методологическое выражение осознается в науках Нового времени, когда сначала в биологии, а на рубеже XVIII–XIX веков и в социогуманитарном знании, складываются представления о новых предметностях, обладающих устойчивостью и самостоятельностью и непостижимых методологическими подходами, используемыми в экспериментальных науках. Новоевропейскому механицизму, с его аналитико-констеллирующей техникой познания должны быть противопоставлены методологические ходы, способные познавать такие новые предметности. Для их познания и был предложен типологический метод.

В поисках типологического метода Гете не был одиноким гением, как иногда представляется нашими современниками. В развитии теоретических и философских аспектов, имеющих отношение к типологической проблематике, на пороге XVIII в. значительную роль сыграл Лейбниц с его «монадологией», «законом непрерывности», размышлениями о «единстве в многообразии» и употреблением термина «метаморфоз». Представления об «общем типе» развивались в русле сравнительных анатомических студий, в которых особенно преуспели французы: Ж.-Л.Л. де Бюффон и Л. Добантон, Ф.В. д'Азир, Ж. де Сент-Илер, Ж. Кювье. Славился также голландский ученый П. Кампер, английские сравнительные анатомы А. Монро, Д. Хантер. Вопрос о прототипе обсуждался также и философами – Д. Дидро и Ж.-Б. Робине. Бесспорным авторитетом в биологической науке XVIII века был Аристотель, но прежде всего не как философ, но как ученый-энциклопедист, охвативший единой концепцией науку своей эпохи. Однако, аристотелевские биологические принципы «попали» на другую почву философских предпосылок. Единственный, кто ближе воспринял сам античный способ виденья организма – был Гете, но, большинство «цеховых» ученых, его современников относились к нему скептически и даже враждебно⁸.

---

⁸ Канаев И.И. Очерки из истории сравнительной анатомии до Дарвина. М.-Л., 1963. С.126.

К концу XVIII века систематика уже достигла некоторой завершенности, прежде всего в трудах К. Линнея. Однако по своему характеру она была узко описательной, строилась на основании формальных, случайно подобранных внешних признаков. Работы Жоффруа де Сент-Илера и Ж. Кювье, которые по началу писали общие научные труды, обозначили новый этап в систематике животного мира. Этот новый этап отличался прежде всего тем, что в основу систематики были положены не отдельные признаки, а единый план организма – тип. Как известно, со временем выявились и существенные отличия в понимании целостности организма или морфологического типа в концепциях, развиваемых Кювье и Сент-Илером. В 1830 году вопрос о единстве морфологического типа стал центральным вопросом знаменитого спора между Кювье и Сент-Илера во французской Академии наук. По сути, в этом споре впервые со всей очевидностью выявилась вторая линия типологизации, берущая начало в систематике Кювье.

Применение типологического подхода было явным шагом в сторону теоретизации биологической науки. Разумеется, хорошо развитой внутренней структурой новоевропейской науки она еще не обладала. Кювье справедливо писал, что «естественная история» по сравнению с физикой долго еще останется в значительной мере «наблюдательной наукой». Анатомическая лаборатория биолога по существу отличались от лаборатории физика. Биология времен Кювье и Сент-Илера еще не была наукой экспериментальной. К такому рубежу она подойдет в XX веке, когда Уотсоном и Криком будет открыта двойная спираль, когда молекулярная биология откроет рестриктаз – особую группу ферментов, специфически режущих ДНК и выделит активный ген. Тогда будет заложен фундамент генной инженерии, а биология станет наукой экспериментально-технической в той мере и в том смысле, какой стала физика со времен Галилея и Ньютона. И тем не менее, концепции Кювье и Сент-Илера обладали характерными структурными элементами новоевропейского типа знания. Модель биологической науки, заключающая в себе весьма обширное и разнообразное дескриптивное содержание, все же по своей структуре принадлежала к новоевропейскому типу наук. Обе концепции на уровне методологического сознания явно включали гипотетический компонент.

Кювье подчеркивал, что «естественная история» все же имеет «рациональный принцип», это принцип «условий существования, вульгарно называемый принципом целесообразности» (*causes finales*)⁹. Именно с этим принципом и было связано базовое теоретическое допущение Кювье – идея о неизменности живого организма в условиях меняющейся среды.

⁹ Cuvier G. Le règne animal distribué d'après son organisation, t. 1. Paris, 1817. P. 6.

Телеологию он понимал иначе чем Аристотель, Гете или Кант и определял ее просто как связь организма со средой. Хотя в понимании этого вопроса и самой природы организма Кювье пытался сослаться на Канта, но все же этой связи он дал скорее биологическое, чем философское истолкование, выдвинув гипотезу «катастроф», согласно которой организмы не приспособивались к меняющимся условиям среды, но погибали. Кювье считал виды неизменными во времени и пытался обосновать это ссылками на анатомию мумий египетских животных давностью около 2000 лет...; на описания животных древними, на отсутствие ископаемых переходных форм. Открытые же им виды ископаемых позвоночных Кювье относил к вымершим, не связанным с ныне живущими какими-либо промежуточными звеньями¹⁰. Теория Кювье моделировала синхронно-функциональный срез организма, строила тип как структурно-функциональное единство, выделяла четыре типа и на их основании реорганизовала единство естественной лестницы существ. Выступая в споре против единой «лестницы существ» Кювье по сути отрицал и единство морфологического типа, единство прототипа для всей природы, что было одной из важнейших идей зоологических «философствований» Сент-Илера.

Взглядам Кювье Сент-Илер противопоставил гипотезу и концепцию новообразования органа под влиянием условий среды, а учению о четырех изолированных типах – учению о единстве организации всего живого мира. Создаваемая Сент-Илером «синтетическая морфология», с лежащей в ее основании аналогией дорожила идеей единства «естественной лестницы». Моделируемый ею единый прототип был моментом принципиальным, ибо главной целью этой теории было доказать единство всего живого. Аналогии Сент-Илера соответствовали сегодняшнему пониманию гомологии. Он обращал внимание на органы, сходные по структуре и формированию несмотря на то, что они могут быть приспособлены к разным функциям. И это было другое понимание аналогии, чем у Кювье, который аналогии понимал как сходство, определяемое прежде всего функциональными соответствиями. Разница в трактовке аналогий не была случайной. На что мог опираться Сент-Илер, чтобы показать единство столь разных организмов, приспособленных жить в самых разных условиях среды? Функция, на которой основывалась аналогия Кювье, была неработающим критерием для сравнения организмов в поиске их единой природы. Более продуктивным критерием сравнений оказалась морфологическая структура органа и его топология. Это позволяло показать, что все части, все органы, с их внешней изменчивостью, есть во всех, даже очень отдаленных друг от друга организмов. Этому и должна была тонко служить гомология. Сент-Илер,

---

¹⁰ Канаев И. И. Там же. С.246.

считавший «единство – основой и корнем различий», преимущество отдавал поиску общности в организации позвоночных и беспозвоночных животных. Дополнительные аргументы его теории сообщала зарождающаяся идея эволюции, развиваемая в то время Ламарком. Она пыталась объяснить изменчивость видов под воздействием среды, тем самым укрепляя идею единства всего живого. Принадлежащая Сент-Илеру идея введения эмбриональных фаз развития организма и учения о тератологии (уродствах) в сравнительные исследования также должны были служить доказательством наличия переходных форм онтогенетического и филогенетического плана в мире живого, отсутствием резких границ между видами и родами. Таким образом, гомология работала не только в синхронном срезе, исследуя организм в его развитом виде. Несмотря на введенные эмбриональные фазы развития, нельзя сказать, что тип моделировал развитие, становление структурно-морфологической целостности организма. Но несомненно, что диахронный срез организма был учтен.

Эмпирические ошибки Сент-Илера, которые бросали тень на его теоретические построения и способствовали интеллектуальной победе Кювье, на самом деле не могли служить ни обосновыванием, ни опровержением концепций, развиваемых обеими учеными. Аргументация эмпирического уровня не могла быть обоснованием теоретического знания. В споре речь шла о двух разных гипотезах и двух теориях среднего уровня. Сегодня, уже с исторической ретроспективы, нам известно, что биологическая наука в своем развитии с успехом применила оба концептуальные подходы. Строя типологическое понятие Кювье и Сент-Илер опирались на разные биологические принципы, концептуализировали разные планы организма, но существенно было то, что обе теории были построены на гипотезе. И гипотеза катастроф Кювье, и гипотеза Сент-Илера о новообразовании органа под влиянием среды, лежали в основании теорий, типологических методов и входили в окончательный результат теоретического знания. С точки зрения внутренней структуры научного знания они строили идентичные теории, соответствующие типу новоевропейского знания. И в этом смысле они фундаментально отличались от Гете, который искал сущности в ее наиболее раскрытом виде, доступном видящему и мыслящему глазу. Перед лицом Гете, веющим античностью, оба француза оказались куда ближе между собой. Диахронные моменты типа Сент-Илера отличались от гетеанского динамизма типа, который строился на философском историзме, набирающем силу в Германии. Поэтому можно констатировать, что говорить, уже с самого начала кристаллизации типологического метода в науках мы обнаруживаем не одну, уже признанную в истории типологии линию Гете, а две линии, по которым в дальнейшем пойдет развитие типологических методов.

III

Из «Разговоров с Эккерманом» мы узнаем с каким напряженным интересом Гете следил за этим спором. Он откликнулся на него статьей «Principes de philosophie zoologique. Discutes en mars 1830 au sein de L'Académie Royale des Sciences», в которой отметил сходство Сент-Илера и Бюффона, как ученых с синтетическим складом ума и их манерой видеть природу «en grand» – в большом масштабе. Симпатии Гете явно были на стороне С-Илера, которому впоследствии он посвятил французский перевод своего «Метаморфоза растений». Но в то же время Гете делает несколько «замечаний» относительно языка и стиля С-Илера. С точки зрения Гете, его язык содержит ряд терминов сугубо механических, как, например, «план», «материалы», «композиция», «конструктивные элементы» и т.п., что отражает механистические стороны мышления¹¹. Однако, дело было не в одной терминологии. За ней стояли глубокие и существенные отличия Гете от Сент-Илера.

Философская позиция Гете не была сформулирована в виде стройной системы. Как справедливо уже было замечено рядом авторов¹², своеобразие гетеанского миропонимания и его исследовательской методологии ярче всего проявляется в последовательном отрицании основополагающих гносеологических противопоставлений философии Нового времени – понятиям явления и сущности, объекта и субъекта познания. Согласно Гете, сущность не скрывается, не прячется за явлением, а именно является в нем. Все существенное и истинное стремится к открытости, явленности, выраженности. Поэтому Гете ищет его в зоне максимальной видимости, явленности и освещенности. Отсюда его доверие к мыслящему глазу и видящей мысли, столь сближающих его с древними греками. Вместо *противопоставления* явления и сущности он пользуется *сопоставлением* части и целого или «одного» и «всего». В гносеологических воззрениях Гете мы не находим и противопоставления субъекта и объекта. Познающий не противопоставляется познаваемому как чистый субъект, но находится в познаваемом, является соприродною его частью. Объект и субъект сотворены одной Природой, поэтому познающий *intellectus archetypus* конгениален самой Природе.

Если относительно этих общих философских взглядов Гете в исследовательской литературе мы не встречаем заметного расхождения мнений, то

¹¹ Канаев И. И. Там же. С. 223.

¹² Канаев И. И. Гете как естествоиспытатель. Л., 1970; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 396–397. Loesche M. Grundbegriffe in Goethes Naturwissenschaft. Leipzig, 1944; Rabel G. Goethe und Kant. Wien, 1958; и др.

относительно типологического метода нет такого единодушия. К раскрытию особенностей типологического метода Гете обращались ряд исследователей: В.И. Вернадский, И.И. Канаве, А. Корт, К.А. Свасьян, Р. Штейнер и многие другие. Однако большинство этих исследований не отличались более фундаментальной проработкой понятия. В их ряду особо выделяется работа А. Корта, который попытался довольно обстоятельно раскрыть применение типологического понятия в разных областях знания, в том числе сопоставил логику образования понятия у Гете и Канта. Исследователь показывает, что критический идеализм Канта не предложил способов познания индивидуальности и спецификаций природы¹³. Кант редуцирует все спецификации природы к архитектонике возможностей человеческого разума. Следовательно, все явления – отдельные и особенные, существующие в природе, должны быть сведены к трансцендентальным способностям. Незамеченная Кантом эта проблема была центральной для Гете, который в понятии тип, согласно Карту, как раз и воплотил особую логическую связь Всеобщего и Особенного. Все дальнейшее исследование Корта и посвящено этой связи Всеобщего и Особенного в понятии Гете. Однако, возникает некоторая настороженность, когда Корт неоднократно подчеркивает, что тип Гете не является схемой¹⁴, а связь Особенного и Всеобщего необходимо изобразить как истолкование Gestalt'a через Символ¹⁵. Процедура сравнения, в которой используется понятие тип, должна возбудить живое наблюдение, но не может привести к идеальной конструкции¹⁶, к абстрактному Всеобщему. Таким образом из анализа Корта следует, что гетеанский тип представляет собой некую радикальную целостность, которая противостоит всем понятиям структурного толка, таким, как например, тип Кювье¹⁷, логика которых заключается в аналитическом расчленении объекта с последующим синтезом.

А. Корт вполне справедливо говорит о том, что Гете схватил сам нерв проблемы целостности и механистического единства. В целом он показал противоположные пути образования понятия у Гете и Канта. Но истолкование самого гетеанского типологического метода и понятия у Корта, нам не представляется достаточно ясным. Вряд ли в анализе самой логики образования этого понятия Карту следовало всецело доверяться высказываниям самого Гете, который, как известно, не был систематически мыслящим философом. У Гете мы не находим четко сформулированных теоретических положений, но скорее тенденции мысли. В его высказываниях, определяю-

¹³ Koort A. Beiträge zur Logik des Typusbegriffs. Tartu, 1938. С. 16–18.

¹⁴ Koort A. Там же. С. 24, 75 и др.

¹⁵ Koort A. Там же. С. 77.

¹⁶ Koort A. Там же. С. 83.

¹⁷ Koort A. Там же. С. 73–75.

щих метод, наряду с глубиной и проникновенностью много и философской наивности. Нам представляется, что Кортотом, желающим подчеркнуть целостность гетеанского типа, недостаточно была оценена аналитическая и структурирующая мысль Гете. Верно, что Гете боялся абстракции. Но абстракция, абстрактная мысль и неструктурированное целое – вещи разные. Если «целого» искать в самом понятии, отрицая аналитическую мысль в процедуре образования понятия, мы попадаем в сложную ситуацию – как вообще можно что либо познавать с таким неструктурированным, радикально целостным типом-образом? Я более склоняюсь к мысли В.Гейзенберга, который высказал суждение, что Гете, боясь абстракции, все же искал *структур* самой природы¹⁸. Целостность типа Гете заключалась вовсе не в том, что в усмотрении этого типа – прорастения или прафеномена не участвовала аналитическая мысль. В предисловии к учению о цвете Гете писал: «Простое смотрение на предмет не может побудить нас ни к чему. Всякое рассматривание переходит в разбор, всякий разбор – в обдумывание, всякое обдумывание – в установление связи, и можно сказать, таким образом, что при каждом внимательном взгляде на мир мы уже теоретизируем. Прodelьвать это в полноте сознания и самосознания, со свободой и иронией, – чтобы воспользоваться рискованным словом, – особое искусство, необходимое, если мы хотим, чтобы абстракция, который мы боимся, была безвредной, а результат опыта, на который мы надеемся, – поистине жизненным и полезным». Говоря о гетеанском способе созерцания целостности, все же не следует забывать, что Гете очень много внимания уделял изучению анатомированного тела. Без кропотливой аналитической, сравнивающей мысли он не сделал бы своего открытия, напр., межчелюстной кости. Вопрос о целостности, мне представляется, решался не путем простого отрицания самой аналитической процедуры в построении понятия. В проблеме целостности Гете целился куда глубже, чем частные методологические проблемы. Гете создавал не просто типологический метод, а свою *Морфологию – Новую науку*, в которой главное место занимало учение природном Gestal'e. Целостность у Гете вовсе не означало отказа как от аналитической, так и теоретической мысли. Причем, особенность гетеанского мышления заключалось прежде всего в том, что любое созерцание, любое понимание природы начиналось для Гете с непосредственного чувственного впечатления, а это значит – *не с изолированного явления, отфильтрованного в эксперименте, вычлененного из природы с помощью специальных приборов и до некоторой степени силой вырванного у природы*, а со свободно развертывающегося, открытого нашим чувствам естественного события – как по сути было в античном типе знания.

¹⁸ Гейзенберг В. Картина природы у Гете и научно-технический мир // Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 306–323.

Мысль Гете целилась на сами философские основания Ново-европейской науки, заложенные в «*mente conserpere*» Галилея и получившие обоснование в метафизике Декарта.

«Учение о Gestalt'е было основой и сущностью новой морфологической науки. Гете писал:

«У немца для комплекса проявлений бытия какого-нибудь реального существа имеется слово Gestalt. Употребляя его, он отвлекается от всего подвижного и принимает, что все частности, входящие в состав целого установлены, закончены и закреплены в своем своеобразии.

«Однако если мы будем рассматривать все формы, особенно органические, то найдем, что нигде нет ничего устойчивого, ничего покоящегося, законченного; что все, напротив, скорее зыблется (*schwanket*) в постоянном движении. Поэтому наш язык достаточно обоснованно употребляет слово «образование» (*Bildung*) как в отношении к чему-либо возникшему, так и к еще возникающему.

«Таким образом, если мы хотим дать введение в морфологию, то мы, собственно не можем говорить о форме; а употребляя это слово, во всяком случае, должны иметь при этом ввиду только идею, понятие или нечто, лишь на мгновение схваченное в опыте.

«Все образовавшееся сейчас же снова преобразуется, и мы сами, если хотим достигнуть хоть сколько-нибудь живого созерцания природы, должны, следуя ее примеру, сохранять такую же подвижность и пластичность»¹⁹.

Эти слова очень характерны и важны для понимания того, как Гете подходил к созерцанию организмов и в связи с этим к задачам морфологии. Он стремился видеть организм «в становлении» (*im Werden*), т.е. видел форму организма в непрерывном изменении, понимал ее как своеобразное морфо-становление, как своеобразный морфо-процесс, причем в контексте всей природы. Свое понимание сущности природного Gestalt'a Гете пояснял приведя пример творческих сил Природы, создающей рыбу. Творящая Природа Гете варьирует с единым прообразом, т.е. тем, откуда она заимствует меру уподобления. Это Гете называет творчеством Природы «изнутри во вне». Но Природа творит также «извне во внутрь». Такая действующая «извне во внутрь» Природа – это та среда, в которую должен вращать сотворяемый ею организм. Для рыбы – это вода, благодаря которой она не только существует, но благодаря которой она также и возникает. То есть среда или «внешняя природа» накладывает на становящееся свой отпечаток. Рыба Гете своим Gestalt'ом «вписана» в воду. Гетевское понимание Природы, творящей как «изнутри во вне», так и «извне во

¹⁹ Гете И.В. Избранные философские произведения. М., 1964. С. 70.

внутри» сближает его с пониманием сущности становления становящегося у Платона в диалоге «Тимей» (50 е). «Становиться» – значит достигать бытия. Платон различает три момента: τὸ γινόμενον, становящееся; τὸ ἐν ᾧ γίνεταί, то в чем происходит становление, среда, в которую вращает становление, из которого оно затем, став, выставляет себя; (в примере Гете это вода, формирующая рыбу извне); τὸ οὗθεν ἀφομοιοῦμενον, то, откуда становящееся (рыба Гете) заимствует меру уподобления, ибо все становящееся, которое становится чем-то, то, чем оно становится, заранее берет в качестве образца; (прообраз, про-растение, про-животное, про-феномен Гете).

Становление у Гете происходит не в равномерном «пространстве» Нового времени, а в Природе, которая имеет нечто похожее с древнегреческим Космосом, который характеризуется не словом протяженность, но словом «место» (τοπος) и понимается как χωρα, что означает не место и не пространство, но то, что заселено осевшим там. Место принадлежит самой вещи. И у каждой вещи есть его собственное место. Древнегреческий Космос понимается как иерархия метафизических мест. Вода для рыбы и является таким тоπος. Рыба и своим происхождением и напряженностью своего гештальта «вписана» в воду. Причем понимание немецкого слова Gestalt не может быть понято просто как образ или символ, что часто встречаем в исследовательской литературе. Раскрытие смысла этого немецкого слова в связи с античной мыслью мы находим у Хайдеггера²⁰, который дает следующее его изъяснение. „Субстанция” это поверхностный перевод древне-греческого οὐσία, то что греки подразумевали *смысл бытия*. В «субстанции» перевод упускает всякий смысл. Во времена Аристотеля οὐσία одновременно употреблялось и в значении ключевого слова философии. Бытие для греков было *постоянство* в двойном смысле: состояние в себе как восстающее (φύσις) и как таковое все же «постоянное», т.е. остающееся, пребывающее (οὐσία). Бытие как *восстающее постоянство*. Только из этих двух слов и можно понять подлинный смысл Gestalt'a: что такое Gestalt Гете, что такое *подвижная форма* Гете (*меняющееся постоянство*). Хайдеггер уточняет характеристику Gestalt'a, говоря о нем как о напряженной форме. Борьба – πόλεμος не только подталкивает к вос-становлению, но лишь она одна и сохраняет сущее в его постоянстве. Там где прекращается борьба, сущее хотя и не исчезает, но мир поворачивается вспять. *Сущее больше не утверждается*. Оно теперь только обнаруживается. *Завершенное* не есть больше поставленное в свою статью (Gestalt), но всего лишь готовое. Такое сущее становится предметом. *Изначально властвующее*, т.е. φύσις становится теперь лишь образцом для изображения и подражания. Изначально восходя-

²⁰ Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб. 1997. С. 143–146.

щее самоучреждение в мире живом – является вечно необходимым условием. Это весьма напоминает у Гете «жизнь» как напряженное становление, борьбу, «полюмос».

Научно-техническому мировидению, в котором каждое явление понимается как суммарный вектор разнонаправленных сил, Гете противопоставил свою картину природы. В гносеологии Гете выступил против изолированного исследования феноменов, чему служил метод и экспериментальная техника познания. Гипотетическому характеру теоретического знания новоевропейской науки он противопоставил свой способ теоретизирования, в котором центральное место было отведено «видящему глазу», что опять сближало Гете с античной мыслью²¹. Требование Гете рассматривать природу „en gros” – в большом масштабе перекликалось с Аристотелем, согласно которому, познавать изолированные от «этого» космоса вещи – значит, рассуждать чисто гипотетически, в чем подлинная мудрость не нуждается, поскольку она не отделима от истины, которая определяется как соответствие наших суждений реально существующим вещам. Аристотелевская модель науки исключала гипотетический компонент из своей структуры на уровне методологического знания.

Целостность Гете распространялась куда шире чем понятие тип. В познании Гете пользовался и анализом, и сравнением и калькулирующим интеллектом. Но высшим статусом в его теории познания обладало единственное понятие – тип, которому соподчинялись все остальные методологические приемы.

Вопрос о целостности не может быть истолкован как простое отрицание аналитической мысли, а проблема ее методологического постижения сведена к логико-методологической плоскости анализа понятия. Эти вопросы должны ставиться и решаться исходя из метафизических оснований типа научного знания. Следовательно, вопрос о целостности и методе связан с таким фундаментальным вопросом как природа и характер самой истины. У Корта проблема типа понималась как особенности отдельных методов или способов образования понятий. Похоже, что и В.И. Вернадский так воспринимал «целое» Гете, когда подчеркивал непродуктивность гетеанской мысли в науке²², с чем мы не хотели бы согласиться. Но по сути дела ни Корт, ни Вернадский вопроса понимания целостности в связи с историческим типам научного знания не ставили. В такой же логико-методологической плоскости понятие тип было принято анализировать со

²¹ О древнегреческой теории θεωρεῖν см.: Хайдеггер М. Наука и осмысление // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 242–243.

²² Вернадский В.И. Мысли и замечания о Гете как натуралисте // Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 288.

времен позитивистов, которые первые обратили внимание на специфику логических операций как в образовании этого понятия, так и способов его работы в исследуемом материале.

Чтобы понять подлинную оригинальность типологического подхода Гете необходимо рассматривать его в контексте античной элистеце и новоевропейской философии науки, как двух разных исторических типов знания. Соотнести представления о Природе Гете с античным и новоевропейским пониманием бытия. Только тогда мы сможем оценить как соотносилась аналитическая мысль Гете с его пониманием целостности типа как образа, оценить аналитическую и синтетическую работу его мысли в процессе постижения природного Gestalt'a. Если мы не признаем аналитической мысли Гете, если не понимаем ее места и значения в построении типа-образа, то мы своеобразно мистифицируем эту гетеанскую процедуру усмотрения образа и закрываем себе путь дальнейшего ее анализа.

На примере Гете хорошо видно, что структура сама по себе еще не говорит ни о целостном, ни о механистическом восприятии. Возвращаясь к типологическому методу Кювье, у которого встречаемся с явной структурой, мы можем задаться вопросом о том, в каком смысле можно говорить о целостности. В какой мере у Сент-Илера и Кювье типологическое понятие или синтез, достигаемый уже после аналитического расчленения, можно считать целостным? Для теоретического осознания типологических проблем введение кювианской типологии имеет несомненное значение. Этот вопрос в истории типологии не менее важен, чем традиционные вопросы, такие как соотношение типологии и классификации, типологии и моделирования.

Типология Кювье представляет собой вовсе не маргинальное явление. В истории наук она получила более существенную методологическую разработку, чем гетеанская. Если бросим взгляд на развитие типологических стратегий в гуманитарном знании, то нетрудно увидеть, что разные его концепции тяготеют к одной или другой линии типологизации. К гетеанской линии в разной мере тяготеют типологические методы В. фон Гумбольдта, О. Шпенглера, понимание типа культуры как типа метафизики М. Хайдеггера. Кювианской линии в гуманитарном знании аналогичными можно считать системный подход, структурно-функциональный и семиотические методы. К ней явно тяготеют типологические методы и подходы К. Леви-Строса, М. Вебера, Ю.М. Лотмана, М.С. Кагана, макрокатегории, «исторического синтеза», применяемые в исторической науке, развиваемой в русле направления, заложенного французскими «Анналами», а также ведущими российскими историками – А.Я. Гуревичем, Ю.Л. Бессмертным и др.

IV

Типологическое понятие всегда обозначало структурирование культурного универсума на основе целостных представлений о культуре. Но философские основания этой целостности, как мы видели в случае биологической науки, могут быть разными. Вопросы соотношения образа научного знания, метода и истины в гуманитарном знании еще сложнее, чем в науках о природе. И куда фундаментальнее, чем они были поставлены Гадамером. Проблемы целостности и типа в разных образах наук имеют свое истолкование и фундаментальные отличия. Причем, хочется отметить, что сама динамика научного знания определяется вовсе не реализацией некоего изначально заданного плана, который рано или поздно получит свою реализацию. Развитие науки не исчерпывается якобы непрерывными актами методологической рефлексии, которые resultируются возрастанием логической расчлененности и строгости ее содержания, поскольку исторически изменчивы сами идеалы и нормы познания. Сама возможность познания объективной истины, возможность развития научного знания определяется социально-историческими условиями, выступающими не в качестве лишь внешних обстоятельств или факторов – а в качестве детерминирующих тенденций, оказывающих конституирующее воздействие на познавательный процесс и даже на внутреннюю структуру знания. Сегодня реальные международные социокультурные процессы сильно опережают гуманитарную теоретическую мысль. Наступившая эра глобализации, сопровождаемая процессами перенесения чужих экономических, политических, социальных, идеологических моделей – по сути поставила над культурами огромный эксперимент. Насколько сама культурология как наука готова осмыслить современные процессы, когда реальные манипуляции культурами вступили в фазу, соответствующую современным экспериментальным наукам. Перед какой задачей поставили процессы глобализации современную культурологическую мысль, которая, развиваясь в новоевропейском образе наук остается и по сей день сугубо методологической?

Представляется, что вопрос этот может быть поставлен на разном уровне. Во введении в «Логика» Кант проводит различие между «школьным понятием» философии и ее «космическим пониманием» – *in sensu cosmico*. «К философии по школьному понятию относятся две вещи: во-первых, достаточный запас рациональных занятий; во-вторых, систематическая связь этих занятий, или соединение их в идее целого»²³. Это вопрос о том, насколько культурология сегодня ощущает себя не совокупностью культурологических теорий среднего уровня, но *системой взаимосвязан-*

²³ Кант И. Логика // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 332.

ных теорий? Насколько культуролог сегодня подключив к работе всю систему культурологических теорий может чувствовать себя экспертом, способным «схватить» современные качественно новые проблемы культурологии, вызванные процессами интенсивного взаимодействия культур и их фрагментов? Второй вопрос – *in sensu cosmico*, в кантовском смысле – это вопрос, который по сути свой фундаментальнее первого. Насколько культурологи сознательно соотносит себя, выявляет взаимосвязь своих формальных принципов мышления с философским осмыслением таких понятий, которые считаются фундаментальными и которые тем самым конституируют более или менее надежную основу мира как действительности. И какие понятия считаются фундаментальными?

С эпохи Ренессанса культура наряду с пайдейвтическим воспитанием человека все больше начинает осознаваться как опредмеченные формы человеческой деятельности, причем эта материальная, «внешняя» сторона культуры в истории способна обрести автономное существование. С Нового времени все больше утверждается ценностное истолкование сущности культуры, а сама культура в итоге начинает восприниматься как система ценностей, забывая экзистенциальное измерение человеческого бытия. Поэтому здесь нам очень важно обратить внимание на мысль Канта, которая задает понимание культуры в контексте природы и свободы, сущего и должного, намечает проблемное поле, в котором культурфилософская мысль развивается до настоящего времени.

Кант отчетливо онтологически различает личность и вещь как два фундаментальных вида сущего. У Хайдеггера мы находим наиболее глубокое истолкование того, как раскрывается вопрос Канта «что есть человек» в его концепциях *personalitas transcendentalis*, *personalitas psychologica* и *personalitas moralis*. Причем *personalitas moralis* как раз составляет онтологическую сущность человеческого *Dasein*²⁴. Хайдеггер ставит следующий вопрос: если *онтически* самость (*das Selbst*) раскрыта в моральном чувстве уважения в качестве сущего Я, то как следует ее определять *онтологически*²⁵? Хотя Кант и не ставит вопрос так, но фактически он дает на него ответ. Онтологический смысл моральной личности в том, что она есть цель (для) самого себя. В этом заключается и отправной пункт для онтологического различения *сущего, имеющего природу Я* и *сущего, не имеющего природы Я*, между субъектом и объектом, между *res cogitans* и *res extensa*. В «*Основах метафизики нравственности*» Кант писал: «Сущность (*die Wesen*), чье существование (*Dasein*) основывается не на нашей воле, но на природе (т.е. природе в смысле физической организации), имеют, не менее,

²⁴ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. С. 165–182.

²⁵ Хайдеггер М. Там же. С. 182.

если это – сущности, лишённые разума, лишь некоторую относительную ценность в качестве средства и поэтому называются вещами (Sachen), напротив, разумные существа называются личностями, поскольку их природа (здесь природа означает то же, что и φύσις = essentia) выделяет их уже как цели в самих себе, т.е. как нечто, что нельзя использовать только как средство, и, следовательно, по отношению к ним ограничивает всякий произвол и (эта природа есть предмет уважения)»²⁶.

Как поступающий, т.е. в качестве экзистирующей цели для самого себя, человек находится в царстве целей. Причем цель должна всегда пониматься как сущая цель, личность. Поэтому *царство целей* есть *бытие-друг-другом*, общение личностей и следовательно – царство свободы. Это совместное царство экзистирующих личностей не есть нечто наподобие системы ценностей, с которой то или иное поступающее Я соотносится и в котором как в чем-то человеческом фундированы и переплетены друг с другом цели, к которым устремляются намеренья. Кант, фиксируя различие и осуществляя разведение личности и вещи в «Основании метафизики нравственности» говорит о двух метафизиках – метафизики природы и метафизики нравственности, онтологии *res extensa* и *res cogitans*. Онтологию личности в узком смысле Кант определяет так: она «должна исследовать идею и принципы возможной чистой воли, а не действия и условия человеческой воли вообще». Причем нужно сказать, что в конечном итоге кантовской интерпретации моральной личности, т.е. конечной духовной субстанции, меру задает античный горизонт истолкования сущего. Этому соответствует и Кантовское понимание того, что конечные субстанции, вещи и личности, не просто как угодно наличны, но находятся во взаимодействии.

Те перспективные и ретроспективные горизонты понимания сущности культуры, которые открываются с высоты кантовской мысли – тема уже выходящая за рамки настоящего исследования. Здесь же нам важно было отметить, что мысль Канта возвращает нас к античному горизонту истолкования сущего а тем самым и древнегреческих представлениях о культуре – παιδεία, цель которой воспитание и развитие каждого человека соответственно его природе (φύσις), что означало – достижение постоянной гармонии в его душе, благодаря которой он способен к гармоничному сосуществованию с другими людьми в идеальном государстве и гармонически устроенном космосе. Древнегреческое понимание культуры как παιδεία еще не было противопоставлено природе (φύσις). Понимание культуры как пайдейвтического воспитания, учитывающее бытие всего сущего, которая с эпохи Ренессанса постепенно утрачивалась и наконец было предано полному забвению, сегодня вновь обретает интерес. В этом проблемном кон-

²⁶ Цит. по: Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. С. 183–184.

тексте философская и методологическая линии Гете, отвернувшегося от зарождающегося научно-технического мира, создавшего свою картину природы, весьма близкую древнегреческой и поставившего методологическую задачу целостного постижения мира, обретает особую актуальность в области культурологического знания. Гетеанская линия, получившая в истории науки весьма скромную разработку, сегодня может стать тем альтернативным руслом, по которому, могут пойти философско-методологические разработки нового типа познавательного отношения к формирующейся современной реальности.

W artykule rozważane są problemy teoretyczne typologizacji jako metodologicznego wyrażenia całościowego opanowania obiektu badania. Na materiale nauki biologicznej wyróżnione zostały dwie linie typologizacji – geteańska oraz kuviańska, do których ciągną różne strategie typologiczne używane w naukach przyrodniczych oraz humanistycznych. Teoretyczne problemy kształtowania pojęcia typologicznego są analizowane nie tylko w wymiarze logiko-metodologicznym, lecz również w kontekście historyczno-filozoficznym, co ujawnia podstawy metafizyczne wiedzy naukowej różnego rodzaju. Perspektywiczną jawi się geteańska linia typologizacji, która do dnia dzisiejszego nie została w nauce opracowana w sposób wystarczający.

The article deals with the theoretical problems of typological description as a methodological expression of integral cognizance of an object under investigation. Two lines of typological classification have been pointed out on the material of biological science – getean and cuvian, that are backed up by various typological strategies applied in natural sciences and the humanities. Theoretical problems of the formation of a typological concept are analyzed not only in a logico-methodological dimension, but also in a historical-philosophical context, yielding metaphysical foundations of different types of scientific knowledge. The getean line of typology that has not been sufficiently developed up to now has been shown as promising for future research.